

КОНФЛИКТ

Да простит читатель, что я уделю некоторое внимание собственной персоне: это диктуется необходимостью, логикой аргументации.

Мы учились в одной школе с Игорем Нетто – в московской 281-й средней, которая находилась в первые годы Великой Отечественной войны в помещении на улице Мархлевского, а к концу войны переехала в Уланский переулок. Игорь Нетто был старше меня на два класса. И он, и я со сверстниками ходили на улицу Мархлевского и в Уланский, потому что наши школьные годы пришлось на военное лихолетье и потому что жили мы в сретенских переулках: Нетто – в Даевом переулке, доме 11, квартире 8, конечно коммунальной, где жил и мой одноклассник Толя Русов (сейчас Анатолий Анатольевич Русов – ведущий инженер одного из московских проектных институтов). Игорь юношей был принят в «Спартак», и с того дня наши, сретенских мальчишек, общие симпатии к «Спартаку» обрели конкретное воплощение: в этой команде играл наш школьный товарищ.

Впрочем, это началось еще раньше. Мой отец, по профессии бухгалтер, до войны имел отношение к «Спартаку», во всяком случае, к годовым балансам, бухгалтерским отчетам «Спартака». Летом мы часто бывали в Тарасовке. Игроки команды, которых я мог бы назвать знакомыми или даже приятелями отца, ушли из жизни, поэтому за неимением доказательств воздержусь от ссылок на старые дружеские связи.

Работая три десятилетия в редакции «Недели», воскресного приложения к газете «Известия», я почти все эти годы возглавлял отдел новостей и спорта. Поэтому нередко писал о футболе, в том числе о «Спартаке». Со спартаковскими футболистами разных лет меня связывали приятельские отношения. Наверное, не случайно пригласил меня на празднование своего 50-летия Никита Симонян, пригласил и Игорь Нетто (об этом торжестве, проходившем у него дома, я здесь уже упоминал). Олимпийский чемпион Анатолий Исаев, замечательная спартаковская «восьмерка» пятидесятых годов, для меня просто Толя. Известный спартаковский защитник и полузащитник Геннадий Логофет – просто Гена. Сохраняются самые добрые отношения и с другими ветеранами команды.

Спартаковцы всегда помнили о верности их клубу. Когда «Спартак» должен был ехать в Испанию на очередной «турнир четырех» (уже во времена Бескова), именно ко мне обратился тренер Иван Варламов с просьбой организовать фотосъемку команды: срочно требовались рекламные снимки для зарубежной прессы и программки, продающихся на стадионах. Фотокорреспондент «Недели» немедленно выехал в Тарасовку и сделал все необходимое. Когда «Спартак» выиграл первенство страны и понадобился снимок команды, который можно было бы воспроизвести на пригласительном билете (готовилось чествование), снимок предоставил опять же я. Конечно, совершенно бескорыстно. Финансовые трудности команды были мне известны. Но даже со «Спартака»-миллиардера я не взял бы и рубля.

Свидетельством этих добрых отношений стала и книга «Звезды большого футбола», на титульном листе которой четким почерком выведено: «Дорогому Эдуарду Церковеру – со спартаковским рукопожатием и дружбой – от автора. Н. Старостин. 28/X 77 г.».

К Николаю Петровичу я относился с обожанием. Спартаковский патриарх восхищал своей невозмутимостью, находчивостью, эрудицией. Я записал немало его оригинальных высказываний. Например, перед началом турнира на приз «Недели» жеребьевка привела спартаковцев в подгруппу, где собрались заведомо слабые команды, выход в финал турнира был почти гарантирован. Я подошел к Николаю Петровичу: «Как оцениваете результаты жеребьевки?» Он устремил на меня загадочный взор и произнес: «Браки совершаются на небесах» (дескать, такова воля жребия)... В 1981 году Политиздат выпустил книгу «Эти удивительные ветераны», написанную мной в соавторстве с коллегой; Николаю Петровичу в этой книге посвящена целая глава – своего рода объяснение в любви.

Динамолец Бесков вызывал у меня глубокое уважение: это он стал спасителем команды

в 1977 году, это с ним она завоевала с тех пор десять комплектов медалей разного достоинства.

Для чего я все это излагаю? Для того чтобы читатель понял, почему в конце сезона 1988 года я, спортивный редактор, периодически наезжавший в Тарасовку, решил вновь посетить любимые места: подышать спартаковским воздухом, порасспрашивать Бескова, Старостина, Дасаева, Черенкова и других о планах на следующий сезон. О назревшем конфликте я ничего не знал.

В конце лета 1988 года промелькнуло в печати сообщение: мол, Бесков подал было в августе заявление об уходе «по собственному желанию». Но поскольку уже шел ноябрь, а Бесков все еще возглавлял команду, я посчитал, что эпизод с заявлением был всплеском какого-то недоразумения и уже забыт.

К спартаковцам у меня, как у ревностного болельщика, было немало и претензий. Например, почему так слабо сыграли с румынским клубом «Стяуа»? Почему ниже своих возможностей провели целый ряд матчей внутреннего чемпионата?

Итак, прибыв в Тарасовку, я зашел к Константину Ивановичу и снова услышал о финансовых трудностях команды.

– В 3000 рублей обошлась нам аренда стадиона «Локомотив», на котором мы должны были принимать... московский «Локомотив» в ответном матче на Кубок федерации, – рассказывал Бесков. – Каков вывод? Нужен, да просто необходим «Спартаку» свой собственный стадион в Москве!

В холле у телевизора я подсел к Ринату Дасаеву и Федору Черенкову. Спросил, как жизнь. Ринат сообщил, что на днях уедет в Севилью, где подписал контракт с местным клубом.

– Представляете, – сказал он, – перед московской встречей со «Стяуа» к нам в раздевалку никто даже не заглянул!

А нам так хотелось услышать именно в тот момент хоть от кого-нибудь доброе слово поддержки. Словно в вакууме существует команда. Снова никому не нужна...

– Аэрофлот, который в 1977 году взял нас под свое крыло, давно от «Спартака» отвернулся, – добавил Черенков. – Руководители Министерства гражданской авиации прежде бывали на матчах, но последнее время не появляются...

– Прямо скажем, команда нуждается в обновлении, даже в коренной реконструкции состава, – подвел тогда итоги наших разговоров Бесков. – Резко сдали некоторые игроки, еще год назад составлявшие костяк коллектива. Их игровые кондиции и отношение к делу не удовлетворяют тренеров. Требуется неотложное укрепление материальной базы, но реально ли оно, неотложное?

– Константин Иванович, – поинтересовался я, – не потому ли вы, как сообщалось в газетах, подали заявление «по собственному желанию»?

– Был в августе момент кризиса, – ответил Бесков. – Сказалось настроение, стечение обстоятельств того злополучного дня. Уже на следующий день я понял, что не по-спортивно покидать команду в ее нынешнем положении. Не расстаюсь со «Спартаком». Буду искать пути к его новому взлету. Вновь и вновь повторяю: нужен свой стадион.

– Каким вы его видите?

– Это сугубо футбольный стадион, без легкоатлетических секторов и беговых дорожек, только футбольное поле и трибуны. У нас есть план-проект такого стадиона на сорок тысяч зрителей. Там будет гостиница для иногородней команды, приезжающей к нам на игру, а также для немосковских гостей клуба. Будет кафе или ресторан «Спартак», а лучше – и то, и другое. Будут под трибунами буфеты, лавки, киоски, торгующие и клубной атрибутикой: спартаковскими флажками, значками, буклетами, другими фирменными сувенирами. При нашем стадионе разместится и клуб «Спартак», в который станем принимать желающих, предъявляя к кандидатам в члены клуба определенные требования: члены клуба обязаны будут платить членские взносы, как это делается в «Челси», «Сантосе» или «Андерлехте», участвовать в заседаниях, в решении клубных проблем, в клубных торжествах. Они получат

право посещать клубный бассейн, пользоваться клубной библиотекой, свободно -проходить на трибуну во время матчей «Спартака», входить в раздевалку своей команды в перерыве между таймами и после игры... При стадионе будет и клуб болельщиков «Спартака». Кстати, в его рамках юнцы, бушующие нередко на трибунах, а после матча – по всему городу, окажутся под влиянием спортивных организаторов и самих футболистов. Все эти всплески эмоций и энергии можно дисциплинировать и направить в полезное русло, чем и займется клуб болельщиков.

Совсем не обязательно, чтобы в другие города за командой ехала толпа агрессивно настроенных молодцов в красно-белых шапочках и шарфиках; они только драки устраивают и сами крепко получают от местных фанатов, таких же неорганизованных, как они. А ведь можно на одной из трибун спартаковского стадиона установить огромный экран проекционного телевизора, устраивать на нем показ иногородних матчей «Спартака» – коллективные, причем бесплатные просмотры для юных болельщиков.

Каждый уважающий себя клуб располагает своим стадионом: и «Динамо», и «Торпедо», и ЦСКА, и «Локомотив». Только у нас одна-единственная база в Тарасовке... Я уже подключил к делу архитекторов Главного архитектурно-планировочного управления Мосгорисполкома. Перебрали несколько вариантов, пришли к выводу, что лучший из них – незанятое пока пространство близ ВДНХ СССР за Ботаническим садом, рядом со станцией метро «Ботанический сад». Однако, если городские власти разрешат нам начать строительство стадиона в этом месте, «Спартак» в одиночку такую акцию материально не осилит. Нужны значительные средства. Может быть, обратиться к почитателям «Спартака»? Если каждый наш болельщик пожертвует один рубль, наберется несколько миллионов... – так говорил Бесков.

«Наверняка наберется», – подумал я. Вспомнил, как, участвуя в 19-й советской антарктической экспедиции, прибыл на полюс холода планеты – станцию «Восток». Среди работавших там ленинградцев были и два москвича: геофизик Анатолий Михайлович Блинов из Института физики земли Академии наук СССР и астроном Роман Кирюхин. Первое, о чем они тогда спросили меня, совсем недавно вылетевшего из Москвы: «Как там наш «Спартак», есть ли новые фигуры в составе?» Даже в Антарктиде люди не забывают о любимой команде... Конечно помогут!

И мы договорились с Бесковым: я вынесу идею на обсуждение редакции «Недели». Получив согласие редколлегии на публикацию призыва к болельщикам, навещу директора футбольно-хоккейного клуба «Спартак» Юрия Александровича Шляпина, и тот сообщит мне номер расчетного счета, на который нужно будет переводить добровольные пожертвования.

Коллектив и руководство редакции «Недели» были готовы опубликовать обращение к болельщикам. Сотрудники редакции говорили, кто из них и какую сумму лично намерен перевести на счет «Спартака». Публикацию наметили осуществить в новогоднем номере, этапном и поэтому особенно заметном.

– Здорово поможете «Спартаку»! – сказал тогда в Тарасовке Бесков. – А то ведь без малого двести тысяч рублей ежегодно уходит на аренду стадионов. Бессмысленное расточительство! Нужд у команды много, эти деньги ей оченьгодились бы.

В тот день на базе не было некоторых игроков, не приехал и Николай Петрович, так что мне не удалось узнать их мнение. Но все присутствовавшие оказались единодушны: свой стадион необходим.

– Константин Иванович, – спросил я, – сколько еще лет собираетесь работать в «Спартаке», если затеваете грандиозное предприятие – строительство стадиона?

– Вообще-то двенадцать лет работы с одной и той же командой – это многовато, – ответил Бесков. – Подустал я. Ездить каждый день в Тарасовку и обратно более чем утомительно. Представляете, сколько тысяч километров эти челночные рейсы намотали на спидометр моей машины... Но нельзя не думать о будущем. Я ли буду тренером, другой ли специалист, все равно стадион «Спартаку» необходим. Не жить же только сегодняшним днем!

На том и порешили. И простились. Через несколько дней у спартаковцев начинался отпуск.

Созвонился я с директором клуба Ю. А. Шляпиным и вскоре приехал к нему на Верхнюю Красносельскую в штаб «Спартак». Предупредительно приняв меня, с пониманием выслушав мой рассказ о публикации, которую «Неделя» готова осуществить в новогоднем номере, Шляпин пригласил бухгалтера: «Напомните наш номер счета, адрес отделения банка». Я записал эти данные. Юрий Александрович деликатно выразил желание увидеть текст обращения к болельщикам до его опубликования. Я заверил, что привезу этот текст в клуб «Спартак» заблаговременно.

В начале второй половины декабря текст был подготовлен к печати. И вдруг...

21 декабря Константин Иванович возвратился в Москву из отпуска. В тот же день ему позвонил председатель московского городского совета общества «Спартак» А. И. Петлин, а затем сам подъехал на машине к дому, где живет Бесков, вызвал Константина Ивановича на улицу и предложил подать заявление об уходе по собственному желанию. Бесков отказался это сделать. Тогда на следующий день Ю. А. Шляпин сообщил ему, что с 27 декабря он освобождается от занимаемой должности главного тренера футбольной команды мастеров «Спартак». Формулировка: «В связи с затянувшимся пенсионным возрастом».

Шляпин поддерживал информационную связь с редактором сектора спорта «Известий» Б. Федосовым. Пока «Неделя», расположенная на одном этаже со спортивным сектором «Известий», готовила материал с призывом для новогоднего номера, «Известия» 23 декабря оперативнее всех напечатали сообщение о снятии Бескова с должности... Прочитав эту заметку, я немедленно позвонил Константину Ивановичу:

– Были какие-нибудь предпосылки к такому повороту событий?

– Не было, – ответил Бесков. – Случались в руководстве клуба споры, это споры не сегодняшние, а довольно давние, но до ссор, тем более до разрыва, дело никогда не доходило.

– Но не в одиночку же Шляпин решает такие проблемы! Совет футбольно-хоккейного клуба «Спартак» должен был обсуждать ваш вопрос на своем заседании; не могло это пройти мимо президиума городского совета Всесоюзного добровольного физкультурно-спортивного общества профсоюзов!

– Они и обсуждали. Причем, как выяснилось, я в это время уже был в Москве. Но меня ни туда, ни сюда не вызвали, не предъявили какие-либо претензии, не пожелали выслушать объяснения. Даже не позвонили. Просто уволили заочно.

Тотчас звоню начальнику команды «Спартак» Николаю Петровичу Старостину.

– Николай Петрович, простите великодушно, что звоню вам домой, беспокою. Дело-то уж очень необычное, непривычное. Почему отставлен Бесков?

– По настоянию команды, – спокойно и убежденно отвечает спартаковский старейшина.

– Ах вот как? Команда потребовала его отставки?

– Да.

– А как же насчет создания собственного стадиона?

– О, это фантазии Константина Ивановича. Он, знаете ли, не силен в финансовых вопросах.

Я еще раз попросил извинения и попрощался. Положил трубку и замер в растерянности. Или Бесков что-то недоговаривает, или чего-то не знает. Если команда потребовала его отставки, значит, корни конфликта глубже, чем кажется на мой непросвещенный взгляд. Глас народа – глас Божий. Не поверить Николаю Петровичу нельзя. Суровость Бескова вошла в поговорку. Как видно, этой суровостью он довел команду до взрыва...

Но на следующий день, 24 декабря, вышел в свет номер газеты «Советский спорт». В нем был материал: корреспондент этой газеты обратился к ведущим спартаковским игрокам. Сначала позвонил олимпийскому чемпиону, заслуженному мастеру спорта Евгению Кузнецову. «Что? Бескова освободили? – удивился Кузнецов. – От вас впервые слышу. В конце ноября перед уходом в отпуск у нас было традиционное собрание команды. Подвели итоги сезона. Бесков пожелал всем хорошего отдыха, на том и расстались. И вдруг такая информация. Моим мнением на сей счет никто не интересовался. А ведь в таких случаях это делать, видимо, полагается».

Таков опубликованный в «Советском спорте» ответ Евгения Кузнецова. А вот ответ Сергея Родионова, игрока сборной СССР:

«23 декабря я позвонил в спартаковский клуб. Там и узнал, что Бесков освобожден. Для меня это было полной неожиданностью. На мой взгляд, когда в клубе принимают такие ответственные решения, не мешало бы посоветоваться с игроками».

И этот ответ тоже был опубликован «Советским спортом».

Команда была в отпуске с 1-го по 24 декабря. Когда же и кого именно успели собрать, если Родионов и Кузнецов, ведущие игроки «Спартака», ничего не знали? «По настоянию команды», – сказал Старостин... Я почувствовал, что впервые в жизни моя безграничная вера в истинность его суждений поколеблена.

И еще он сказал: «Фантазии Константина Ивановича». Почему же эти фантазии тренера, который «не силен в финансовых вопросах», поддерживал в беседе с представителем «Недели» Шляпин, сообщивший мне номер счета – 700053 в Сокольническом отделении Промстройбанка, где «Спартак» мог накапливать средства на строительство стадиона?

Допустим, Шляпин был иного мнения, нежели Бесков. Тем более что наверняка знал о готовившейся отставке тренера. Он бы мог сказать представителю «Недели»: «Давайте не торопиться. До наступления нового года подождем с публикацией призыва о сборе средств». Но Шляпин любезно принял предложение еженедельника.

Тайком от прессы, от общественности, от собственных ведущих игроков уволили Бескова люди, прикрывшиеся понятиями «клуб» и «команда». И так же тихо утвердил это незаконное решение московский городской совет ВДФСО.

Высоцкий пел: «Я не люблю, когда стреляют в спину».

В те же декабрьские дни в печати было опубликовано следующее заявление: «Президиум Федерации футбола СССР считает, что при любых обстоятельствах решение об освобождении от работы К. И. Бескова, главного тренера команды мастеров «Спартака», должно было не только приниматься и оформляться в точном соответствии с требованиями действующего трудового законодательства, но и с проявлением подлинной заботы о престиже советского спорта, его славных ветеранах, в духе демократии и гласности».

Коротко и ясно. Тут не может быть разночтений.

Нельзя не коснуться мотивировки увольнения выдающегося тренера, чье имя ставится в один ряд с именами самых знаменитых и авторитетных специалистов мира. Неубедительна, неуклюжа формулировка в приказе, изданном Шляпиным, директором клуба «Спартак»: «В связи с затянувшимся пенсионным возрастом».

Константину Ивановичу в тот момент исполнилось 68 лет. А начальнику команды «Спартак», между прочим, 86 лет! Если «затянулся пенсионный возраст» одного, то что же мог сказать Шляпин о возрасте другого?

В спорах болельщиков-фанатов зазвучали местнические нотки: мол, Бесков – динамовец, в «Спартаке» он все равно чужой. Что ж, Бесков действительно динамовец. Но по крайней мере футболист. А вот директор футбольно-хоккейного клуба «Спартак» Шляпин – динамовский ватерполист. Неисповедимы пути номенклатуры!

Когда упрасивали Бескова принять рухнувший «Спартак», обращались к министру внутренних дел, в ЦС «Динамо» к председателю, в Московский горком партии, а о «динамовском происхождении» как-то не вспоминали. Хорошо были осведомлены о строгом, даже суровом нраве Бескова, о его принципах оценки людей по поступкам, его самостоятельности, о бескомпромиссности. Знали и тем не менее упрасивали. А осенью 1988 года все его достоинства поставили ему же в вину! И не вспомнили, что это он, Бесков, первым условием своего прихода в «Спартак» назвал возвращение в команду уволенного оттуда Н. П. Старостина.

Сколько восторженных слов было высказано о Бескове на страницах отечественной и зарубежной печати за эти годы! Он вернул «Спартаку» игру и доброе имя, нашел и взрастил игроков, вошедших в историю советского и мирового футбола. Двенадцать лет работал Константин Иванович с командой. За один сезон вернул потерявший руль и ветрила «Спартак» в высшую лигу. На следующий год команда с пятнадцатого места вырвалась на пятое. И еще

девять лет подряд неизменно находилась среди призеров: дважды – золотая, пять раз – серебряная, дважды – бронзовая. 186 побед в чемпионатах высшей лиги одержала она за одиннадцать лет. К такому результату близки только киевские динамовцы, но и они «не без греха»: за эти годы спускались даже на десятое место. Бескова же обвинили в том, что в 1988 году «Спартак» занял четвертое.

29 декабря в «Советском спорте» было опубликовано интервью Н. П. Старостина «Истина дороже»:

«С Константином Ивановичем мы пережили вместе не одну радостную и грустную минуту. Велики его заслуги в том, что «Спартак» в последние десять лет вновь стал одним из сильнейших клубов в стране, весьма популярным за рубежом. И ставить их под сомнение никто не собирается. Однако в данном случае я хочу руководствоваться известным изречением: «Платон мне друг, но истина дороже».

Развязка, признаюсь, получилась несколько неожиданной, но она была неизбежной. То, что случилось в последние месяцы, назревало давно. Заключительный этап начался в августе, когда Константин Иванович вдруг подал заявление об освобождении с поста главного тренера в связи с состоянием здоровья. Должен признаться, что оно у него действительно нередко пошаливало. Особенно беспокоило давление. По этой причине Бесков в минувшем сезоне не был ни на одном матче в городах, куда мы добирались не на поезде, а на самолете.

Однако дальнейшие события показали, что заявление об уходе было продиктовано не только заботой о здоровье. Бесков считал, что такого тренера, как он, добровольно никто отпускать не будет. Надеялся, что его начнут уговаривать остаться и тогда он сможет в ультимативной форме выдвинуть новые требования, что, кстати, с ним случалось и прежде».

Стоп. Тут я отважусь прервать плавный ход атаки Николая Петровича (а это все-таки своего рода атака). Что же могло войти в ультиматум Бескова? Да все то, о чем он говорил раньше, за что бился все эти годы. Устройство новых тренировочных полей в Тарасовке, бытовые условия жизни футболистов на базе, освещение, газонокосилка или еще какая-нибудь машина, необходимая для нормального существования современной футбольной команды мастеров, – все те ни для кого не секретные нужды команды, никогда не преуспевавшей в материальном отношении, команды, которую миллионы людей так горячо любят, но в драматизм существования которой никто по-настоящему не вникал.

Не себе дачу, не себе машину, не себе какие-то иные блага требовал «в ультимативной форме» Бесков. А нормальных условий для работы и жизни коллектива, за который нес гражданскую, партийную, профессиональную и личностную ответственность, – за коллектив и его завтрашний день. Для себя лично, для своей семьи, своего персонального благополучия Бесков абсолютно ничего не попросил у «Спартака» за все эти двенадцать лет. Не говоря уже о требованиях «в ультимативной форме».

Еще раз приношу извинения за то, что прервал выкладки Николая Петровича. Вот их продолжение:

«Директор клуба «Спартак» Ю. Шляпин, получив заявление от Бескова, понятное дело, не взял на себя всю ответственность, а проинформировал руководителей МГСПС.

И тут случилось то, на что, по моему глубокому убеждению, никак не рассчитывал Константин Иванович. Его никто не стал уговаривать.

А в начале октября состоялось собрание команды на котором присутствовали руководители МГСПС и Шляпин. Ни я, ни тренеры на него не были приглашены, поэтому судить о том, как оно проходило, не берусь. Знаю только, что 11 футболистов из 13 проголосовали за удовлетворение просьбы Бескова. Не за освобождение тренера, подчеркиваю, а за удовлетворение его просьбы. Через несколько минут после собрания Бескову сообщили о решении команды. И тут главный тренер заявил: «А вы знаете, пожалуй, до конца сезона я поработаю».

До конца чемпионата оставалось еще восемь туров, у нас были шансы стать призерами, если не чемпионами, поэтому оставлять «Спартак» без Бескова было делом рискованным – поди знай, как все обернется. Поэтому многие вздохнули с облегчением и оставили Бескова до конца чемпионата. Лично я считаю это большой ошибкой. Со всей ответственностью за-

являю, что если бы МГС ВДФСО профсоюзов тогда, а не в декабре, согласился бы с решением команды, «Спартак» вновь был бы в тройке сильнейших. Но Бесков остался. Его, правда, предупредили, чтобы в команде он ничего не менял и к игрокам не применял никаких репрессивных мер...

Бубнов, человек принципиальный, заявил, что по окончании сезона играть под руководством Бескова больше не будет».

Нелегко читать интервью Николая Петровича. Человек он с огромными заслугами, очень большими титулами, высокими наградами, колоссальным авторитетом; одна из крупнейших фигур в истории отечественного спорта. Но что поделаешь, если то, что он высказал в этом интервью, как бы само себя подвергает сомнениям?

Бубнов – человек принципиальный? За год до этого он в присутствии нескольких игроков и самого Бескова заявил, что, если из «Спартака» уйдет Бесков, уйдет и он, Бубнов. Меньше чем за год до этого в фильме «Невозможный Бесков» делал комплименты главному тренеру. И вдруг за считанные месяцы «прозрел»? В корреспонденции, опубликованной в первом номере газеты «Московские новости» за 1989 год, говорится:

«Бубнов после собрания хвастал, что своим выступлением «выбил» одному квартиру, другому машину».

Сам себе этим выступлением против Бескова Бубнов «выбил» плавный отъезд за рубеж, во французскую команду «Ред стар». Покинул «Спартак», чтобы с сезона 1989-го выступать за иностранный клуб. С оформлением Бубнова в «Ред стар» могли бы в «Спартаке» и потянуть. Но за решительное выступление на собрании оформили оперативно.

Еще одно сомнение: «11 игроков из 13 проголосовали...». Как известно, в футбольной команде мастеров высшей лиги игроков не тринадцать, а вдвое больше. По какому принципу приглашали футболистов на это собрание? Евгения Кузнецова, например, и Сергея Родионова на этом собрании не было. «Не пригласили» на него и Николая Петровича, и тренеров. Тренеров потому, что они были соратниками и единомышленниками Бескова. Николая Петровича? Ну, скажите на милость, на какое собрание в «Спартаке» не смог бы попасть создатель «Спартака», его символ и хранитель очага? Если бы, конечно, захотел?

«Шляпин не взял на себя всю ответственность и проинформировал руководителей МГСПС». Да что же Шляпин, враг себе – брать на себя всю ответственность? Когда осуществляется маленький заговор, полезнее разделить ответственность на максимально большее число участников, вольных или невольных. И любое решение проводить в жизнь, заручившись хоть какой-нибудь поддержкой «сверху».

«И тут случилось то, на что, по моему глубокому убеждению, никак не рассчитывал Константин Иванович. Его никто не стал уговаривать».

Подтекст: он думал, что его талант и тренерское мастерство кому-то нужны, а ему отворот поворот... Прошедший сквозь многие футбольные бури и грозы Константин Иванович остается неопытным в крючкотворстве. В самом деле, подумал бы: какое дело чиновникам из МГСПС до футбольных творческих терзаний? У них все в порядке: все резолюции приняты, все бумаги подшиты, «Спартак» у них в ближайшее время в первую лигу не вылетит, значит, отвечать за него им, чиновникам, не придется. В. В. Гришин на пенсии, а нынешние члены Политбюро в футбольные дела не вступают, бояться некого. Бесков будет с футболистами возиться или не Бесков, для МГСПС значения не имеет. Подал заявление – удовлетворить.

Однако и чиновники смекнули, что возможен шум. Эта распустившаяся из-за перестройки пресса... Надежнее спрятаться за то, что называется «коллективом». Дальше проводится операция «Воля коллектива» с привлечением тринадцати игроков, в число которых входят те, к кому у Бескова устоявшиеся претензии по части игровой дисциплины, игровой добросовестности, соответствия игровому уровню «Спартака». Да и из 13 человек лишь 11 проголосовали против Бескова. Это называется «решением команды»?

Что плохого в том, что Бесков решил «поработать до конца сезона»? Любой советский гражданин вправе забрать обратно свое заявление об уходе с работы, это обеспечено законодательством страны. Ну и насчет шансов стать чемпионами страны

1988 года Николай Петрович сказал чересчур решительно. Только если бы спартаковцы выиграли оставшиеся восемь матчей, а все претенденты на первенство эти восемь матчей проиграли...

«Его, правда, предупредили, чтобы в команде он ничего не менял и к игрокам не применял никаких репрессивных мер».

Любопытная постановка вопроса. Главный тренер команды мастеров предупрежден (кстати, кем конкретно? «Предупредили» – обтекаемая формулировка. Представители профсоюзов предупредили, что ли?), что ничего менять не может и даже выпивоху, приезжающего на тренировку с опозданием после вчерашних возлияний, наказывать не должен. Как не вспомнить сцену, описанную Константином Ивановичем выше: тренер подходит к начальнику команды и говорит: «Игрок такой-то с хорошего похмелья, а воспитатель отвечает: «Не может быть!» – и удаляется в противоположную сторону, подальше от возможного конфликта.

«Оставили до конца чемпионата», «предупредили». Словно речь идет о провинившемся пацане юниоре, а не о строгом главном тренере, ревнителе порядка и дисциплины.

В похожей ситуации Михаил Иосифович Якушин подал в суд на «Локомотив», обвинивший выдающегося тренера в «некомпетентности», и выиграл процесс. Железнодорожным вершителям футбольных судеб пришлось заплатить тренеру зарплату за то время, что длилась тяжба. Бесков не захотел связываться с обидчиками, судиться со «Спартаком», пачкать свое имя.

Опубликовав интервью Н. П. Старостина, «Советский спорт» обратился к К. И. Бескову за ответным словом. 6 января 1989 года был напечатан ответ под заголовком «А вот что думает Бесков»:

«Не сразу согласился я на предложение «Советского спорта» выступить с разъяснениями по поводу интервью Н. П. Старостина. Позиция оправдывающегося заведомо проигрышная, да и не хотелось мне публично выяснять наши сложные со Старостиным отношения. Но приходится, так как высказывания начальника команды «Спартак» вызвали у меня и недоумение, и возражения. К тому же в оценках ряда фактов выявляется определенная принципиальная позиция. Думаю, пора поставить все необходимые точки.

Николай Петрович верно говорит, что конфликт у нас назревал давно. Однако о причинах его умалчивает. А ведь состоят они в том, что не хотел я мириться с отсутствием должной заботы и внимания, которые руководители «Спартака» должны были проявлять, если их на деле волновали нужды команды, бытовые вопросы жизни футболистов, перспективы развития учебно-тренировочной базы в Тарасовке – худшей тогда среди баз всех московских клубов».

Тут Константин Иванович перечислил все: двести грузовиков с землей, которая не годилась для футбольного поля, освещение, газонокосилка, ремонт гостиницы и многое другое.

«Молчать я, естественно, не мог, и директору клуба Шляпину, как и начальнику команды, не раз приходилось выслушивать от меня неприятные для них, но совершенно справедливые претензии... Инертность, а скорее неспособность названных людей улучшить ситуацию заставили меня поставить вопрос об их замене. Но меня опередили, использовав поданное мной в августе заявление (кстати, заявление без указания причин, без ссылки на здоровье), которое я в сердцах написал после очередного проявления полного равнодушия к годами не решавшимся проблемам «Спартака». Несостоятельность ссылок на это заявление очевидна с юридической точки зрения. Я ведь и в августе сразу понял, что избрал далеко не лучший способ разрешения проблем. Наверное, всем понятно, что мое отношение к заявлению выразилось в том, что я продолжал работать и об уходе больше вопрос не поднимал. Н. П. Старостин о моих настроениях хорошо знал. На каком же основании усматривает он теперь в моих действиях расчет на уговоры? Сама мысль такого рода противна моей натуре, и мне хотелось бы, чтобы подобные суждения обо мне и моих позициях не воспринимались всерьез.

Равнодушие к «Спартаку» – вот на этой почве, повторяю, у меня на протяжении всех

двенадцати лет возникали трения с людьми, ответственными за судьбу команды. Допускаю, что, если бы меня заранее предупредили об освобождении (мол, всех проблем все равно нам сегодня не решить, а в таких условиях вы работать и сами уже не хотите), у меня, возможно, и претензий к руководству «Спартака» не было бы. Однако вопрос был решен за моей спиной. Снятие мое готовилось втайне от меня, когда я находился в отпуске. В ход были пущены разного рода домыслы о моем здоровье, слухи о плохих отношениях с игроками. И в этой связи считаю необходимым внести некоторые уточнения в разъяснение Н. П. Старостина...

Ни в коем случае не согласен с начальником команды, с его мнением о том, что только мое присутствие помешало «Спартаку» стать призером. Убежден, финиш у нас получился слабым не потому, что Бесков остался в команде, а потому, что многие игроки, в частности Пасулько, Шмаров, Мостовой, утратили форму, уехал в Тулузу Хидиятуллин и был травмирован Родионов.

Мои взаимоотношения с футболистами зависели не столько от моего требовательного характера, сколько от подхода к делу самих игроков. За десять-одиннадцать лет работы с Дасаевым, Черенковым, Родионовым я не припомню случая серьезных разногласий с ними. А вот нарушителям бытовой и игровой дисциплины доставалось.

Могут ли быть довольны тренером те, кого он собирался освободить? Излишний вопрос. Их выступления против меня на собрании в октябре легко понять. Позиция промолчавших – дело их совести.

Мог ли я противостоять объединенным усилиям своих оппонентов? Конечно нет. Решение принималось, когда я находился в отпуске. Ни на одно собрание и заседание, где ставился вопрос о главном тренере, я приглашен не был. Никто из руководителей спортивных, профсоюзных и других городских организаций встретиться со мной не пожелал. Как будто и не было двенадцати лет работы. Грубые нарушения элементарных норм трудового законодательства тоже не привлекли ничье внимание».

Только в этой последней фразе Константин Иванович допустил ошибку. Внимание юристов этот случай привлек. Вот мнение доктора юридических наук, заведующего кафедрой прав человека Всесоюзного юридического института Б. Л. Назарова, опубликованное в «Московских новостях», № 1 за 1989 год:

«Что касается законодательства, то меня поражают те товарищи, которые ссылаются на заявление Бескова об уходе, поданное им в августе. Известно, что по истечении двух месяцев такое заявление теряет силу.

Что касается нравов, то обидно, когда в таком популярном клубе выносятся решения, которые попирают элементарные нормы порядочности и справедливости. С человеком, отдавшим полвека советскому спорту, принесшим ему немало побед, организуется второпях и за его спиной расправа. Это аморально».

Аморально. Вывод сформулирован юристом, доктором наук.

Ни горком партии, ни Госкомспорт, ни ЦК ВЛКСМ (который в 1977 году счел необходимым прикомандировать к «Спартаку» на весь сезон своего представителя) не вмешались в конфликт, не попытались восстановить справедливость. У такого невмешательства возможно далеко идущее продолжение. Случись неприятность с тем же «Спартаком», с любой другой командой такого ранга, окажись эта команда в первой лиге (а то и во второй, известны примеры), согласится ли выручать ее опытный высококвалифицированный тренер, памятуя о том, как обошлись со своим спасителем спартаковцы? Вкладывать всего себя в трудное дело, чтобы после быть выброшенным за дверь? В ответ может прозвучать безразличное: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Недобрые корни посажены в футбольную почву организаторами изгнания Бескова.

Юридически эта история завершилась в январе 1989 года. А в других формах продолжилась еще на год.

После нескольких собраний, обсуждавших кандидатуры на пост главного тренера «Спартака», большинством голосов из числа кандидатов был избран воспитанник Константина Ивановича (в свое время приглашенный им из красноярского «Автомобилиста»), став-

ший капитаном «Спартака», затем тренировавший команду второй лиги) Олег Романцев. В конфликте 1988 года он никак не участвовал, предложение возглавить «Спартак» принял с волнением, понимая, что команда не может остаться совсем без тренера. В «Советском спорте» от 26 января 1989 года Романцев заявил:

«Я многому научился у Константина Ивановича. Он очень интересно проводил занятия, у меня до сих пор сохранились записи его тренировочных занятий, установок на игру».

В справочнике «Футбол-89» заслуженный тренер СССР А. А. Севидов, делаясь мнением о начале нового сезона, отметил: «Бесков передал Романцеву очень хорошую команду».

В те же дни я задал вопрос Константину Ивановичу:

– Как полагаете, «повалится» без вас «Спартак»?

– Нет, – ответил Бесков. – У этих ребят немалый запас прочности. Они усвоили, что и как нужно делать на футбольном поле.

В то же время некоторые журналисты продолжали обсуждать тему освобождения «Спартака» от «бесковского диктата». Так, в обозрении под заголовком «Пробуждение?» (справочник-календарь «Футбол-89») бросилась в глаза обвинительная фраза:

«Цифра, обнародованная журналистом Юрием Ваньятом, впечатляет: К. И. Бесков освободил за 12 лет из «Спартака» 180 игроков».

Эффектно, не правда ли? 180 поделим на 12. Получим результат: 15 футболистов в год. Каждый год Бесков выгонял из «Спартака» целую команду, стартовый состав с запасными. Бессердечный деспот, ломавший судьбу за судьбой...

Однако придется из числа «180» вычесть Ловчева, который в свое время заявил: «Я не хочу второй раз вылетать в первую лигу!» и, не поддавшись на уговоры Бескова, ушел в «Динамо». Придется вычесть Хидиятуллина, который сам захотел перейти в ЦСКА и также не уступил уговорам Бескова остаться. И еще раз вычесть Хидиятуллина, который сам захотел поехать работать во Францию, играть за команду «Тулуза». Придется вычесть Сидорова, Шавло, Самохина, которые были призваны в армию. Вычесть Андрея Рудакова и Валерия Попелнуху, у которых в «Спартаке» долго не решался квартирный вопрос (Рудакову, например, гарантировали в «Торпедо» быстрое получение жилья и не подвели). Придется вычесть Прудникова, Аргудяева, Русяева, Черчесова, Еременко. У Еременко тоже квартирный вопрос, а «Спартак» по бедности ему трехкомнатную предложить не мог. Другие из названных не хотели подолгу сидеть на скамье запасных, терять годы, оставаясь на вторых ролях, тогда как в других клубах им были обещаны места в основных составах (Русяев и Черчесов были отпущены в «Локомотив» с условием, что вернутся по первому требованию, как только понадобятся «Спартаку»).

Называю далеко не всех, кто сам по каким-либо причинам покидал команду, вопреки планам и аргументам Константина Ивановича. Выходит, Ваньятом «обнародовано» (словно это прежде скрывалось от народа) валовое число, валовый показатель. Уже не 180, если учитывать тех, кто ушел по собственной инициативе в поисках лучших материальных условий или большей профессиональной самостоятельности. Выходит, «обнародованное» – приписки, так это называется в народном хозяйстве.

Из числа «180» стоит вычесть и тех, кто, изящно выражаясь, нарушал режим (а проще говоря, выпивал). Никита Павлович Симонян с болью говорил мне о регулярных выпивках талантливого центрального защитника «Спартака», а спустя некоторое время и о том, что «Спартак» и наш футбол в целом лишились молодого талантливого полузащитника, который, получив медаль чемпиона страны, так возрадовался, что стал «гулять», уже не мог остановиться и был освобожден от работы в команде – это произошло задолго до Бескова. И во времена Константина Ивановича некоторые футболисты покинули команду только потому, что футбол и спиртное несовместимы. Нет необходимости сейчас перечислять имена, выставя людей в невыгодном свете. Но их было не так уж мало за 12 лет. Опять урон круглому числу «180».

Немало было и таких, которых принимали заведомо на пробу, обговаривали с ними это условие: «Подойдешь, вступишь в состав – будешь в «Спартаке»; не потянешь, не сумеешь

– не взыщи». Вспомним рижанина Евгения Милевского, бомбардира из «Даугавы»: там забивал, а в «Спартаке» его краски поблекли, не проявил себя и вернулся на исходную позицию. Наверняка он тоже составляет валовый показатель. О Крестененко уже рассказывал выше Константин Иванович, можно добавить сюда и фамилии Сафроненко, Аджоева...

В 1990 году владикавказский «Спартак» под руководством Валерия Газзаева выиграл турнир первой лиги и завоевал право выступать в высшей. Тотчас же в нашей спортивной прессе появились материалы, в которых, воздавая должное Газзаеву, ставили ему в несомненную заслугу то, что перед началом сезона он отчислил группу нерадивых и бесперспективных игроков... Максимализм свойствен многим нашим футбольным обозревателям. Их отношение к тренерам: либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Тот же Ю. Ваньят, который в свое время пел величальную Лобановскому, называя его метод НОТом – Научной Организацией Тренировок (с прописных букв), в 1990 году выступил в московской прессе с разгромной статьей «Фиаско Лобановского», не в одном номере газеты, а с продолжением. Прежде все, что делал Лобановский, было, по Ваньяту, превосходно; теперь, по Ваньяту же, стало никудышно. Вот так, от температуры кипения до минус 273 градусов ниже нуля.

Бескова обвиняли и в том, что он собирался избавиться от группы игроков основного состава, таких, как Шмаров, Пасулько, Бубнов. Действительно, собирался. Но почему? Рассмотрим этот аспект на примере Валерия Шмарова.

Все помнят его «золотой гол» 1989 года, блестящий гол, забитый со штрафного удара в ворота киевских динамовцев, и прочие заслуги. Но какую картину являла собой игра Шмарова в сезоне 1988 года, когда им был крайне недоволен Бесков?

Осенью того года, находясь в Тарасовке, я зашел в комнату тренеров. Петр Евгеньевич Шубин и Федор Сергеевич Новиков корпели над графиком, отражавшим уровень игры каждого спартаковца в завершавшемся сезоне. Я попросил объяснить, что означают те или иные условные значки и цифры.

Напомню, активно играющим считается футболист, который выполняет за 90 минут матча не менее 80 игровых действий при небольшом (максимум 20) проценте брака. Ценность игры повышается, если футболист делает голевую передачу или сам забивает гол.

В 1988 году, по словам Бескова, у Шмарова «личная жизнь превалировала над командной».

Я попросил тренеров показать и прокомментировать график игры Валерия Шмарова. Девятнадцать «двоек» за сезон – сказали тренеры.

Так были, наверное, основания у тренера предъявлять претензии к Шмарову по итогам сезона?

– Не очень интересовали Шмарова дела и заботы команды, – комментировал этот график Шубин. – Преобладали личные интересы. Его игра нас решительно не устраивала. Пришли к выводу, что надо отпустить его на все четыре стороны, раз ему так безразличен «Спартак». На это место претендовал просившийся в нашу команду Александр Бородюк. Кстати, примерно такие же, как у Шмарова, чуть лучше, показатели 1988 года оказались у Пасулько, у некоторых других игроков.

По должности я был обязан периодически выступать на страницах «Недели» со спортивными обозрениями. Тридцать лет пишу о футболе. И в конце лета 1989 года, когда в чемпионате страны были сыграны две трети матчей, написал обозрение «Иллюзии благополучного сезона» (№ 32), которое затем по решению коллектива редакции было вывешено на Доску лучших материалов «Недели». Рассказываю об этом отнюдь не из тщеславия. Что относилось в этом обозрении к «Спартаку»?

«Не по-джентльменски расставшись с наставником, с которым за 12 сезонов было завоевано десять комплектов наград, спартаковцы не могли не осознавать, что после этого ни публика, ни пресса не простят им посредственную, тем более плохую игру в новом сезоне. И готовились к нему истово обретя к тому же спонсоров... Наверное, их энтузиазму способствовали не одни материальные стимулы, но и чувство освобождения от сурового бесковского диктата (мне, как диктатору, это понятно; я тоже объясняю практиканту, что нельзя писать:

«Комната освещалась двумя подсвечниками», а он в ответ заявляет, что я душу его творческую индивидуальность). Словно по заказу, все основные оппоненты «Спартака» оказались плохо подготовленными к сезону.

Избранный главным тренером О. Романцев сохранил в составе игроков, с которыми работал Бесков, и тот стиль игры, который они осваивали годами. Подкрепленный различными стимулами запас прочности позволил выйти на первое место и удержаться. Но в ходе турнира спартаковцы ничуть не прибавили, а свежесть подрастеряли. В середине июня «проездом из Тулузы» В. Хидиятуллин, которого никак не упрекнешь в отсутствии спартаковского патриотизма, посмотрел игру, когда лишь гол, забитый защитником «Черноморца» в собственные ворота, принес красно-белым очередные два очка, и резюмировал:

– Нестабильность сходит «Спартаку» с рук только потому, что у него не было серьезных экзаменаторов.

В желании победить никому не откажешь, но стала прокручиваться вхолостую «машина из Тарасовки», едет в основном на явных ошибках соперников. После выигрыша у «Зенита» в «Советском спорте» было написано: «Пусть крупная победа не введет в заблуждение поклонников «Спартака», поединок был равным, лишь грубые ошибки подвели ленинградцев».

26 июня «Спартак» провел товарищеский (читай: коммерческий) матч в Калининграде с тамошней «Балтикой». Организаторы поставили условие: чтобы участвовало не меньше пяти спартаковцев основного состава, тогда гарантировались реклама, полный стадион, хорошие сборы. Москвичи выставили семь игроков «основы». И проиграли команде второй лиги со счетом 0 : 3. Сменяются поколения, но калининградцы будут помнить, как их скромная «Балтика» разгромила прославленный столичный клуб, без пяти минут чемпиона СССР. Очень тревожный симптом. С довоенных времен слежу за «Спартаком» и не помню случая, чтобы так пренебрегла своей репутацией команда Старостиных, или команда Соколовых, или молодых Нетто и Симоняна, или Хусайнова и Осянина. И при «невозможном» Бескове такое было бы невозможно... Пишу это, потому что люблю «Спартак»...»

Вот какие «пассажи» осмелился я включить в обозрение.

Через некоторое время главный тренер «Спартака» О. Романцев заявил в печати, что во второй половине сезона наступил спад, во время которого «Спартак» потерял очки из запаса, созданного в матчах до этого. В самом деле, положение команды, лидировавшей весь сезон, вдруг осложнилось. Не забей Шмаров штрафной на последних секундах матча с киевским «Динамо», дело вполне могло закончиться переигровкой с «Днепром». Силы у спартаковцев были на исходе, «Днепр» – команда настырная и упрямая, так что получение золотых медалей спартаковцами становилось проблематичным. В интервью, которые давал в те дни Романцев, звучали нотки тревоги.

Но Шмаров превосходным ударом разрубил гордиев узел.

И вскоре в редакцию «Недели» пришло письмо на фирменном бланке московского футбольно-хоккейного клуба «Спартак» (со штампом МГС ВДФСО профсоюзов) за номером 012/487 от 12.10.89:

«Если редакционная коллегия «Недели» считает возможным привлечь журналиста Э. Церковера к работе по вопросам спорта, то просим исключить при этом обзоры и оценки игр московского «Спартака», дабы не разжигать страсти».

И подпись: председатель клуба болельщиков футбольной команды «Спартак» (Москва) Г. С. Луначарский.

Вот тебе, бабушка, и плюрализм мнений!

По Г. С. Луначарскому, о «Спартаке», как о дорогом покойнике, – либо хорошо, либо ничего. Запретить журналисту писать о команде, «дабы не разжигать страсти»!

Уж куда больше их разжигать: многие газеты опубликовали снимки разгромленных вагонов московского метрополитена, в которых «ликвали» после победы «Спартака» в чемпионате его пылкие болельщики. А их поездка в Киев и драка с киевскими любителями сведения околофутбольных счетов? Этому немалое внимание посвятила милиция обеих столиц.

Не далее как 21 сентября 1987 года в «Известиях» Н. П. Старостин заявлял: «Спарта-

ковцы многократно в печати и по телевидению обращались к футбольным фанатикам с просьбами не мешать нам проводить спортивные соревнования... Да, в объятиях такой «любви» можно и задушить».

А раньше, в журнале «Смена», № 13 за 1985 год, Сергей Родионов увещевал: «Поверьте, ребята, отнюдь не радость испытываем мы, футболисты вашей любимой команды, когда... слышим о хулиганах, прикрывающихся спартаковскими цветами. Как положить этому конец? Видимо, настало время и для организации болельщиков».

Настало. Организовали. Председатель этой организации агрессивно требует у редакции центрального издания не разрешать редактору спортивного отдела писать о команде, которая, как «жена Цезаря – вне подозрений». Как попал в руки Г. С. Луначарского фирменный бланк футбольно-хоккейного клуба «Спартак», ведь это бланк служебный, не клуба болельщиков, а государственной организации?

В «Неделе» посмеялись по поводу формулировки болельщика Луначарского и отдали мне его «официальное письмо» на память. И я вложил эту показательную бумагу в книгу, на титульном листе которой автор написал: «Дорогому... со спартаковским рукопожатием и дружбой Н. Старостин».

Пусть соседствуют эти два свидетельства быстротекущей жизни.

С победой в чемпионате СССР 1989 года спартаковцев поздравил со страниц еженедельника «Футбол-Хоккей» Лев Иванович Яшин: «Поздравляя земляков-спартаковцев с двенадцатым титулом чемпионов страны, отдавая должное их тренеру, дебютанту О. Романцеву, очень хочу, чтобы в пылу победных объятий и поздравлений не забыли о том человеке, который пролил столько пота и крови, создавая эту самую команду. Кто, приняв «Спартак», выпавший в первую лигу, начав, можно сказать, с нуля, вернул ему и фирменный блеск, и место среди лидеров советского футбола. Вы догадались: речь идет о Константине Ивановиче Бескове... Сегодня было бы по-спортивному и по-человечески справедливо, если бы болельщики популярного клуба, да и сами футболисты-спартаковцы воздали должное замечательному тренеру, своему недавнему наставнику. Надо ли напоминать, что именно он, Бесков, не только вручил им, всем до одного, путевки в большой футбол, но и довел их до тех высот, которые сделали возможными их прежние и нынешнюю победу!»

Где там... Не только не воздали должное, даже не позвонил ни один из тех, кого Бесков нашел, вырастил, сделал мастером. словно какой-то запрет существует на звонки по телефону бывшему главному тренеру. Звонят ученики разных лет, звонят торпедовцы Шустиков и Иванов, армейцы Шестернев и Поликарпов, спартаковцы Корнеев и Логофет... Только нынешние, многим обязанные Бескову, не звонили.

А если кто из неосведомленных журналистов заглянет в Тарасовку, ему там могут и подсказать кое-что любопытное. Например, съездил в Подмосковье, на спартаковскую базу специальный корреспондент украинской республиканской «Рабочей газеты» Олег Костенко и опубликовал в своей газете репортаж из Тарасовки, в котором так описывает занятия спартаковцев:

«И вот уже цепочка бегунов появилась у противоположных трибун. Поравнявшись с тренерской вышкой, игроки дружно, как по команде, вскинув головы, смотрят на «бесковский скворечник», откуда еще недавно Константин Иванович с мегафоном в руках руководил тренировками. А теперь вышка сиротливо пустует. Пока никто не решается ее снести: иди знай, как еще все обернется...»

Что и говорить, журналист О. Костенко одним штрихом создал образ этакого бесковско-го концлагеря с сиротливо пустующей (благодаря настоянию команды, конечно) надзирательской вышкой. Почему только с мегафоном в руках руководил оттуда тренировками Константин Иванович, а карабина с оптическим прицелом не было?... До чего способно дойти борзотворчество!

Приходится еще раз обращаться к беспристрастному Ринату Дасаеву, который в своей книге рассказывает о тренировках «Спартака»:

«В футбол ведь без мяча не играют, верно? Вот так и наш Старший считает. А потому

все упражнения стремится с ним проводить. Возьмем одно из любимых упражнений Константина Ивановича – «тесный квадрат»: игру на отрезке поля размером двадцать на сорок метров, где пять футболистов сражаются против пяти, не давая возможности соперникам отобрать мяч, передавая его друг другу в одно касание. Двадцать минут такого «квадрата» стоят иной раз нескольких килограммов веса. Футболисты здесь вынуждены плотно опекать каждого из играющих. И, чтобы как можно реже терять мяч, не обойтись без помощи «нейтрального», который, в отличие от всех остальных, имеет право распоряжаться мячом по своему усмотрению. Роль эту с присущими ему выдумкой, азартом и с явным удовольствием обычно выполняет Бесков. Да и техника (а она, как говорят, в футболе никогда не пропадает) у него такая, что любой позавидовать может. И становится стыдно тем, кто моложе его лет на сорок, хуже выглядит, чем тренер. Вот и стараются все. Интересно, у кого смекалки и сноровки больше. В «квадрате» сразу как на ладони видно, кто есть кто».

Не только в «квадрате» виден, кто есть кто. Хотелось бы понять: как удавалось Бескову сочетать эти упражнения с вышкой и мегафонным руководством?

Сколько раз бывал я в Тарасовке, никакой вышки возле футбольного поля не замечал. Значит, кто-то местный обратил внимание журналиста Костенко на «новостройку» тарасовского стадиона и заботливо подсказал версию о Бескове и мегафоне.

Допытываюсь у Константина Ивановича: что за вышка? Он поначалу смеялся: «Какая еще вышка? Чушь. У меня мегафона в жизни никогда не было. Матчи я с трибуны смотрел, чтобы рисунок игры четче увидеть, но все тренировки всегда, без исключений, проводил на поле, среди футболистов...»

– Но не галлюцинация же у специального корреспондента «Рабочей газеты?» Какую-то вышку он углядел. Какую же?

И Бесков не сразу, правда, но вспомнил:

– У нас при команде оператор себе подставку соорудил, чтобы чуть сверху делать видеозапись тренировочных двусторонних игр и других занятий. Если с высоты роста снимать на видео, второй и третий планы могут не получиться. Вот он и оборудовал гнездо над землей. Но вышкой это не назовешь. Так, возвышенье, вроде судейского места в волейболе. И я ни разу на эту операторскую точку не взбирался.

С интересом перечитываю новую книгу Николая Петровича Старостина «Футбол сквозь годы» (издание 1989 года), В частности, он рассказывает, как был в годы войны незаконно репрессирован и как после, спустя немалое время, проходила реабилитация. К следователю вызывали свидетелей, чьи показания были в делах, и никто из свидетелей эти показания не подтвердил.

«Неопрровергнутыми, – пишет Николай Петрович, – остались только два «пункта обвинения»: что я в работе был склонен к диктаторству и что имел любимчиков».

На собственном горьком опыте узнал Николай Петрович тяжесть несправедливых обвинений. И тем не менее обвинил Бескова в диктаторстве: в фильме – «бархатном», через несколько месяцев – в диктаторстве без эпитетов.

Много разных событий произошло в нашей стране за последние годы. На фоне негативных явлений – межнациональных конфликтов, зигзагов теневой экономики, роста преступности, трудностей с продуктами и товарами первой необходимости – выглядит частным, локальным эпизодом история изгнания из футбольной команды тренера, который эту команду воссоздал и вывел на высокий уровень. Но существуют в цивилизованном обществе непреходящие ценности, нравственные нормы и понятия, которые необходимо сохранять в любых исторических обстоятельствах, при самых крутых поворотах судеб целых народов. Иначе гибнет духовность, иначе происходят общественно-социальные катаклизмы, примеры коих уже являла бурная и кровавая история человечества.

Одна из таких непреходящих ценностей – чувство справедливости. Другая – чувство благодарности Учителю, взрастившему учеников, передавшему им свои знания, искусство, профессиональное владение избранным делом, внушившего ученикам вечные принципы чести, добросовестности, верности долгу.

Лев Иванович Яшин, поздравляя московских спартаковцев с победой в чемпионате страны, напомнил им о человеке, благодаря которому смогла произойти эта победа. Увы, голос прославленного вратаря остался не услышанным. Можно посчитать это и его завещанием; оно осталось невыполненным.

По телевидению или по радио периодически звучит красивая песня о тренерах: «Но разве сердце позабудет того, кто хочет нам добра? Того, кто нас выводит в люди, кто нас выводит в мастера?» Песни песнями, а в реальности подзабыли недавние ученики того человека, кто вывел их в мастера – в мастера спорта международного класса, в заслуженные мастера.

Впрочем, нет, не забыли. Константин Иванович пережил обидное расставание со «Спартаком», вернулся в свой родной клуб и стал главным футбольным специалистом Центрального совета «Динамо». Бывая у него в Центральном совете, я заставал в кабинете Бескова благодарных и почтительных учеников разных лет: Владимира Пильгуя, Олега Долматова, Михаила Гершковича, Николая Толстых, Сергея Шкляра из «Зари» 1965 года, с которой Константин Иванович проработал всего сезон, создав необходимые предпосылки к последовавшему затем выходу команды в высшую лигу. И многих других встречал я в кабинете Бескова, не только динамовцев, а учеников из разных спортивных обществ, объединенных лишь одним: благодарностью Учителю.

Только остававшиеся в команде спартаковцы даже не звонили ему. И это не украшает биографию московского «Спартака». Пройдет время, останется факт в истории команды: период, прекрасно начавшийся и продолжившийся, но окончившийся не по-людски, не по-спартаковски.

Мнением и советами Константина Ивановича по-прежнему дорожат футболисты и тренеры по всей стране. В обновленной Федерации футбола СССР, которая стала общественно-государственной организацией, Константин Иванович избран заместителем председателя, в его ведении – четыре важнейших комитета Федерации: по проведению всесоюзных соревнований, судейский, инспекторский и дисциплинарный. В Федерации Бесков – работник не освобожденный, и свободного времени почти не остается.

Когда мы завершили работу над рукописью этой книги, Константин Иванович заболел. Донимали острые боли. Не сразу поставили диагноз медицинские светила. Сперва сказали: камни в почках. А оказалось – перитонит!.. Восемь операций за несколько месяцев перенес Бесков, и это на семидесятом году! Прежде ему никогда не доводилось оказываться на операционном столе. Травмы бывали, но до операций не доходило. Очень тяжелым стал для него 1990 год. Когда пошло на улучшение, перевели из Боткинской больницы в Центральный госпиталь Министерства внутренних дел СССР.

– Можно лишь восхищаться его мужеством, стойкостью, силой духа, – говорил мне спортивный врач Владимир Пантелеевич Кравченко, некогда доктор московского «Спартака», ежедневно навещавший Константина Ивановича, в свободные часы дежуривший у его постели. – В сущности, его спасли эти качества, он выжил благодаря воле, спортивной натуре.

В госпитале Бескова навещали Владимир Козлов, Георгий Ярцев, Юрий Гаврилов, Алексей Корнеев, приехавший из Испании Ринат Дасаев, Николай Толстых, Адамас Голодец, который, кстати, рассказал: проводя занятие со своими юными воспитанниками, игроками команды «Динамо-2», Голодец спросил, кто из них может безвозмездно дать кровь Бескову, если понадобится. «Все были готовы! – рассказывал Голодец. – Только группу крови просили уточнить. А ведь ни один из них с Константином Ивановичем лично не знаком!»

Бескова знает весь футбольный мир. Представители зарубежных клубов делают ему заманчивые предложения – возглавить команды на очень выгодных условиях. Он деликатно отвергает все ангажементы: он занят.

Среди его спортивных трофеев – звание чемпиона СССР 1945 и 1949 годов, обладателя Кубка СССР 1953 года (это все он завоевал как игрок), чемпиона СССР 1979 и 1987 годов, обладателя Кубка СССР 1967 и 1970 годов, многократного серебряного и бронзового призера первенств страны, серебряного призера Кубка Европы, европейского клубного Кубка, брон-

зового призера Олимпийских игр (это все завоевали команды, которые он тренировал). Помимо наград и призов есть еще громкая, всенародная слава о Константине Бескове – нападающем в годы молодости, тренере в зрелые годы.

В ноябре 1990 года общественность страны торжественно отметила 70-летие Константина Ивановича. Был великолепный праздник во Дворце молодежи, выдающегося футбольного наставника поздравляли коллеги-тренеры, спортсмены, известнейшие писатели, артисты, многотысячная аудитория любителей спорта. Бесков получил огромное количество телеграмм и писем с пожеланием здоровья и бодрости, с призывами продолжать тренерскую и воспитательную работу на благо отечественного спорта.

Задаю ему вопрос, в этой книге – свой последний:

– Константин Иванович, оглянемся на всю вашу жизнь в футболе. Не может быть, чтобы в вашей душе невзгоды, неудачи, чьи-то безнравственные поступки перевешивали значимость сделанного, ощущение огромной работы на пользу Родине, чувство выполненного долга, память о стольких блестящих победах, о ваших теоретических и практических открытиях, одаривших отечественный футбол оригинальными тактическими новинками и целой когортой высококлассных мастеров кожаного мяча. Что же думаете вы сегодня, оглядываясь на пройденный путь?